

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

DOI: 10.31696/S086919080030537-7

ОТНОШЕНИЯ ЧЕХИИ СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2024

М.В. ВЕДЕРНИКОВ ^а

^а – Институт Европы РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5046-719X; vishma@mail.ru

Резюме: В статье рассматриваются двусторонние отношения Чехии со странами Центральной Азии (ЦА) на постсоциалистическом этапе их развития. Отмечено, что до начала специальной военной операции (СВО) на Украине в 2022 г. государства региона совокупно не вызывали повышенного внимания со стороны Праги ввиду её магистральной ориентации на государства Евро-Атлантики, небольшого размера внутреннего рынка ЦА и предубеждений относительно недемократичности местных политических режимов. Несмотря на попытки некоторых чешских политиков стимулировать отношения с государствами ЦА, положительная динамика сотрудничества наблюдалась только с Казахстаном, который стал важным источником энергоресурсов. Углубление украинского кризиса в 2022 г. привело к стремительному росту чешского интереса к ЦА, во-первых, из-за общей политики Евросоюза, заявившего о важности продвижения интересов объединения на этом внешнеполитическом треке, во-вторых, ввиду желания Праги усилить собственный голос на международной арене, в-третьих, ввиду стремления поддержать отечественных производителей, которые остро ощутили последствия ограничений экспорта своей продукции в Россию. За период 2022–2023 гг. политический диалог Чехии со странами ЦА заметно укрепился, активизировались торгово-экономические отношения. В обозначенные два года товарооборот между странами ЦА (за исключением Туркменистана) и Чехией показал кратный рост как в абсолютных, так и в относительных показателях. Однако подобный неестественный скачок обосновывался прежде всего использованием центральноазиатских государств в качестве пунктов реэкспорта товаров, предназначенных для отправки в Россию. Заявлено, что возникшая ситуация сталкивала прагматичную и ценностную позицию чешских властей: с одной стороны, поддерживая высокий уровень отношений с государствами ЦА, они способствовали продвижению чешского бизнеса, с другой – поставляя товары в ЦА, они осознанно шли на нарушение антироссийских санкций. Следовательно, заявленные чешскими властями цели на центральноазиатском направлении в 2022–2023 гг. не были полностью достигнуты.

Ключевые слова: Чехия, Центральная Азия, ЕС, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан

Для цитирования: Ведерников М.В. Отношения Чехии со странами Центральной Азии. Восток (Oriens). 2024. № 4. С. 48–59. DOI: 10.31696/S086919080030537-7

RELATIONS BETWEEN CZECH REPUBLIC
AND CENTRAL ASIAN COUNTRIES

© 2024

Mikhail V. VEDERNIKOV ^a^a – Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-5046-719X; vishma@mail.ru

Abstract: *The article deals with Czechia's bilateral relations with the countries of Central Asia (CA) in the post-socialist era. Before the special military operation in Ukraine in 2022, the states of the region did not attract much attention from Prague because of its focus on the Euro-Atlantic states, the small size of the internal market of CA, and prejudices about the non-democratic nature of the local political regimes. Despite the attempts by several Czech politicians to boost relations with Central Asian states, positive dynamics of cooperation was observed only with Kazakhstan. The author notes that the Ukrainian crisis in 2022 boosted Czech interests in CA, because of the general policy of the European Union, Prague's desire to strengthen its own voice in the international stage, and the desire to support local producers, who have acutely suffered from the consequences of restrictions on exports of their products to Russia. It has been revealed that in 2022–2023, Czech Republic's political dialogue with the Central Asian countries visibly strengthened, trade and economic relations increased. In these two years, the trade turnover between the CA countries (except Turkmenistan) and Czech Republic demonstrated growth in multiple directions both in absolute and relative terms. However, such an unnatural spurt was justified mainly by using Central Asian states as re-export points for goods intended for shipment to Russia. The author claims that this situation confronts the pragmatic and value-based position of the Czech authorities: on the one hand, they promoted Czech business but on the other hand, they deliberately violated the anti-Russian sanctions.*

Keywords: Czech Republic, Central Asia, European Union, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan

For citation: Vedernikov M.V. Relations between Czech Republic and Central Asian Countries. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 4. Pp. 48–59. DOI: 10.31696/S086919080030537-7

Начало специальной военной операции (СВО) на Украине в феврале 2022 г. ознаменовало запуск «глобальной пересборки», сопровождающейся «глубокой трансформацией системы международных отношений» и резким ростом конфронтационности [*Европа в глобальной пересборке*, 2023, с. 8]. На фоне стремительного разворота России на Восток, подразумевающего форсированный процесс переключения политико-экономической деятельности Москвы с государств «коллективного Запада» на страны Глобального Юга, её евро-атлантические антагонисты также совершали поворот в сторону афро-азиатского региона. В условиях украинского кризиса Евросоюз обратил особое внимание на страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

Брюссель впервые официально указал на важность центральноазиатского региона ещё в 2007 г. на страницах стратегии «ЕС и Центральная Азия: стратегия для нового партнерства» [*The EU*, 2007]. Спустя 12 лет был опубликован новый документ – «ЕС и Центральная Азия: новые возможности для крепкого партнерства» [*The EU*, 2019], который развивал идеи Глобальной стратегии ЕС (2016), где четко обозначалась необходимость «инвестиций в устойчивость государств и обществ ЦА» [*A Global Strategy*, 2016]. Н.А. Гегелашвили

(Институт США и Канады) отмечала, что после 2019 г. «политика Евросоюза стала характеризоваться большим прагматизмом...», который исходил из «географического положения региона, его энергетических ресурсов, а также ключевой роли, обеспечивающей смычку между Европой и Азией» [Гегелашвили, 2023, с. 120]. Показательно, что ещё в 2011 г. отечественный политолог С.М. Юн считал, что «стратегической задачей» европейских государств в ЦА стало «сокращение влияния России в регионе, консолидация западного, в том числе европейского, вектора международных связей центральноазиатских государств» [Юн, 2011, с. 51].

Подобный внешнеполитический вектор ЕС подтвердил себя после обострения российско-украинских отношений в 2022 г., когда Брюссель полностью солидаризовался с США в плане придания своей политики в ЦА откровенно антироссийского характера [Постсоветские государства, 2024, с. 174]. Д.Б. Малышева (ИМЭМО РАН), отмечая сдвиги в европейской политике, указывала на то, что «ЕС ясно демонстрировал стремление к более структурированному экономическому взаимодействию с отходом от акцентирования требований в области демократии и прав человека. Одновременно политика ЕС на постсоветском пространстве становилась всё менее ценностной и всё более геополитической по содержанию» [Постсоветские государства, 2024, с. 166].

На фоне усиления деятельности Евросоюза и государств-локомотивов объединения на восточном направлении малые страны-участницы ЕС также начинали предпринимать усилия по освоению этого вектора внешней политики. Показателен пример Чехии, которая до начала украинского кризиса не воспринимала регион целостно, выстраивая отношения с отдельными государствами, прежде всего с Казахстаном. Остальные страны находились за пределами внимания как официальных властей, так и научного сообщества ввиду слабых экономических связей, отдаленного расположения и наличия там политических режимов, тяготеющих к авторитаризму. Неудивительно, что в фундаментальных ежегодных публикациях Института международных исследований (г. Прага), суммирующих все внешнеполитические события Чехии за конкретный год, никогда не было материалов, комплексно отражающих чешско-центральноазиатские отношения¹. В Чехии к моменту начала СВО на Украине отсутствовал научный задел по этой теме. Что касается историографии, созданной за её пределами, то данная тематика также не вызывала интереса у научного сообщества. Однако в публичном дискурсе после 2022 г. внимание к ЦА среди чешских политиков и ученых заметно возрастает.

Таким образом, изучение опыта трансформации чешской внешней политики под воздействием глобальных геополитических сдвигов является важным, с одной стороны, для понимания возникших тенденций как на уровне отдельных европейских государств, так и внутри Евросоюза, с другой – для своевременного ответа России на угрозы, возникающие в традиционно близком для нее регионе, где до последнего времени были сильны её позиции.

ЧЕХИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ДО НАЧАЛА СВО

В стратегических документах Чехии, составленных до начала СВО на Украине, прежде всего Концепциях внешней политики, присутствует упоминание центральноазиатского региона. В документе 2011 г. он характеризуется как «источник рисков безопасности» [Консерсе, 2011]; в 2015 г. вопросы безопасности, вызванные приграничным положением пространства с Афганистаном, дополняются энергетической повесткой [Консерсе, 2015]. Однако, несмотря на фиксацию данного внешнеполитического направления, коллектив

¹ Редкие моменты активизации отношений Праги с ЦА фиксировались в главах, посвященных Дальнему Востоку.

авторов из пражского Института международных отношений (Р. Фюрст, А. Кизекова, Д. Кожишек) считал: «Несмотря на то, что отношения с ЦА были отмечены как заслуживающие внимания, они всё же остались нереализованными. Можно откровенно сказать, что данный регион не является приоритетом внешней политики Чехии, хотя он уже давно демонстрирует большой потенциал для бизнеса и инвестиций, а также энергетической безопасности» [Fürst, 2018, p. 222].

Дипломатические отношения Чехии со странами региона были установлены в скором времени после мирного распада Чехословакии на два независимых государства в 1993 г. Однако изначально был продемонстрирован выборочный подход к взаимодействию с местными партнерами. Приоритет был отдан прежде всего Казахстану и в меньшей степени Узбекистану, что отразилось в открытии здесь дипломатических представительств Чехии. Посольство в Астане также было аккредитовано представлять интересы страны в Кыргызстане, а посольство в Ташкенте – в Таджикистане и Туркменистане. Отметим, что личные взгляды первого чешского президента В. Гавела влияли на восприятие центральноазиатских государств. Отказываясь от поездки в регион, он говорил: ««Не хочу, чтобы создавалось впечатление, будто я поддерживаю авторитарные страны с диктаторским правлением» [Гавел, 2011]. Между тем, взгляды отдельных групп чешских политиков-прагматиков подстегивали развитие двусторонних отношений.

История чешско-казахстанских контактов наполнена значительным количеством встреч на высоком уровне, заключенных двусторонних соглашений и выделяется институционализацией торгово-экономических отношений. Начало обмена дипломатическими визитами было положено министром иностранных дел Чехии Й. Зеленцем в 1995 г. Уже в 1996 г. Чехию впервые посетил премьер-министр Казахстана А.М. Кажегельдин, ответный визит чешского коллеги М. Земана состоялся в апреле 1999 г. Первый визит на высшем уровне произошёл в сентябре 2004 г., когда президент Чехии В. Клаус приехал в Астану в рамках своего центральноазиатского турне. В октябре 2012 г. с официальным визитом Прагу посетил президент Казахстана Н. Назарбаев. Важным инструментом углубления сотрудничества между странами стала Межправительственная комиссия по экономическому, промышленному и научно-техническому сотрудничеству, служившая рабочим органом для решения актуальных торгово-экономических вопросов взаимного сотрудничества. С 2005 по 2021 г. было проведено 11 заседаний.

Пристальное внимание к Казахстану было вызвано тем, что страна являлась основным экономическим партнером Чехии в ЦА. Во взаимной торговле преобладали энергоносители и другие полезные ископаемые. Накануне СВО Казахстан занимал третье место по объемам поставок сырой нефти в Чехию после России и Азербайджана. По сравнению с импортом из Казахстана чешский экспорт был гораздо более диверсифицирован, со значительным преобладанием машиностроительной и химической продукции. В широкой временной перспективе чешско-казахстанские торговые отношения демонстрировали значительные показатели роста. Например, с 1999 г. по 2021 г. товарооборот увеличился в 16 раз (с 62 млн долл. до 1 млрд долл.) (рис. 1)². Однако при оценке отдельных, более коротких этапов сотрудничества заметно, что за периодами увеличения объемов торговли следовало значительное падение, вызванное колебаниями цен на энергоносители и девальвацией казахстанской валюты. Кризисным этапом взаимоотношений стали 2015–2016 гг., когда товарооборот рухнул с 1,2 млрд до 0,35 млрд долл. Чешские экономисты Л. Мелникова и Я. Фингерланд полагали, что сложившаяся ситуация стала «следствием не только структуры взаимной торговли, но и недостаточного использования потенциала между двумя странами» [Мелникова, Фингерланд, 2015, с. 61].

² Рис. 1–6 находятся на цветной вклейке.

Несмотря на заметные колебания, пик чешско-казахстанских отношений как в политической плоскости, так и в экономической сфере пришелся на президентство М. Земана (2013–2023), который за время своей политической карьеры посетил Казахстан трижды (в 1999, 2014 и 2017 гг.) Активизация связей связана прежде всего с проводимым политиком курсом, нацеленным на прагматичную поддержку чешских экспортоориентированных производителей и выведение их продукции на внешние рынки. Примечательно, что в качестве преимущества бизнеса в ЦА, как и на пространстве всего СНГ, чехи называли наличие связей в постсоветском регионе, сохранившихся со времен Чехословакии, которые они оценивали как находящиеся в лучшем положении, чем с некоторыми партнерами по ЕС [*České firmy*, 2017]. Также углубление отношений с Казахстаном в энергетической сфере рассматривалось как способ диверсификации энергоресурсов и постепенного отхода от критической зависимости от российских поставок.

Показателен визит главы государства в Астану, приуроченный к открытию выставки ЕХРО в июне 2017 г., во главе делегации чешских предпринимателей. В ходе встречи с казахстанским президентом Н. Назарбаевым М. Земан прямо указал на то, что Прага рассматривает Казахстан в качестве регионального лидера, который мог стать для Чехии «воротами в Центральную Азию» [Fürst, 2018, p. 228]. В то же время очевидно, что чехи стремились вернуться на тот максимальный уровень торгово-экономического сотрудничества, который существовал в 2014 г.

Вторым по значимости региональным партнером стал Узбекистан, динамика развития отношений с которым в 1990-е – начале 2000-х гг. совпадала с динамикой отношений с Казахстаном. Так, весной 1995 г. министр иностранных дел Й. Зеленец дал старт двусторонним отношениям на правительственном уровне. В январе 1997 г. Чехию посетил узбекский президент И. Каримов, а в 1999 г. премьер М. Земан прибыл в Ташкент. В сентябре 2004 г. состоялся визит президента В. Клауса, в ходе которого он подчеркнул неудовлетворительное состояние двустороннего экономического сотрудничества и желание реализовать имевшийся потенциал [*Чехии и Узбекистану*, 2004]. Впрочем, после майских событий в Андижане в 2005 г., когда были жестоко разогнаны протестующие, и введения санкций в отношении Узбекистана со стороны ЕС, уровень сотрудничества и его интенсивность значительно падают, ограничившись на ближайшие два десятилетия взаимными визитами делегаций уровня комитетов парламента, Сената и МИД. Ярким проявлением охлаждения чешско-узбекских отношений стала отмена в феврале 2014 г. узбекской стороной визита президента И. Каримова в Прагу, которую он планировал посетить по приглашению на тот момент уже покинувшего пост главы государства В. Клауса. Негласным поводом для решения стал широкий протест чешских правозащитных организаций и нежелание политиков, в том числе премьер-министра Б. Сobotки, встречаться с узбекским коллегой.

Попыткой оживить торгово-экономическое сотрудничество в годы президентства Земана стало турне председателя Палаты депутатов парламента Я. Гамачека в феврале 2017 г., которое было нацелено на преодоление негативных тенденций, обозначившихся после 2013 г. (рис. 2) Так, например, с 2013 по 2015 гг. товарооборот рухнул на 27%, опустившись до уровня 2009 г. Деятельность в этом направлении дала свои плоды к 2020 г., хотя так и не были достигнуты показатели наиболее успешного в двусторонней торговле 2013 г. Что касается её структуры, то в экспорте Чехии преобладала продукция машиностроения, а в импорте – хлопок. Также наблюдался пассивный торговый баланс при значительном превышении чешского экспорта над узбекским импортом, который, например, в 2013 г. достиг 14 раз.

Существенно меньшим был интерес Чехии к Кыргызстану, хотя его столица также была одной из целей визитов в 1995 г. министра иностранных дел Й. Зеленеца, в 1999 г. –

премьера М. Земана и в 2004 г. – президента В. Клауса. Последний в ходе посещения страны поддержал развитие сотрудничества по таким направлениям, как гидроэнергетика, машиностроение, туризм, горное дело, текстильная промышленность [Чехия, 2004]. Политическое внимание на начальном этапе двусторонних отношений в итоге не конвертировалось в поступательное экономическое сотрудничество. Свидетельством вторичности местного рынка для чехов являлось то, что на территории страны не присутствовали напрямую чешские компании, которые предпочитали базироваться в соседнем Казахстане. Попытка оживить контакты приходится на 2016 г., когда Кыргызстан посетила делегация во главе с Я. Гамачеком. Примечательно, что для чехов было свойственно обращение к особому политическому пути страны в сравнении с другими постсоветскими соседями («единственная страна в регионе, выбравшая парламентскую систему» [Кыргызстан, 2016]) и общим страницам чешско-кыргызской истории³. Однако оживление чешско-кыргызских отношений не способствовало увеличению товарооборота, наоборот можно говорить о его почти двукратном спаде за счет снижения чешского экспорта (с 16 млн долл. в 2017 г. до 7,9 млн в 2019 г.) (рис. 3). Что касается абсолютных цифр товарооборота, то в пиковой фазе в 2014 г. он достигал незначительного показателя в 25 млн долл. Одной из наиболее развитых областей чешско-кыргызского сотрудничества являлся сектор управления водными ресурсами, особенно очистка сточных вод и строительство малых гидроэлектростанций.

На обочине чешских внешнеполитических интересов находились Таджикистан и Туркменистан. Наиболее фактурно об этом свидетельствовало отсутствие насыщенной истории двусторонних контактов на высоком уровне. Так, Душанбе единожды в ноябре 2014 г. посетил М. Земан для участия в чешско-таджикском бизнес-форуме, а Ашхабад ни разу не стал пунктом назначения глав чешского государства. В то же время таджикский президент Э. Рахмон три раза совершал официальные поездки в Чехию (в 2002, 2004, 2016 гг.). В рамках рабочего визита в г. Сочи (Россия) на полях зимней Олимпиады в феврале 2014 г. он провел переговоры с Земаном. Однако динамика товарооборота свидетельствовала, с одной стороны, об угасании таджикского импорта в Чехию после 2008 г., прежде всего из-за сокращения поставок продукции местного алюминиевого завода TALCO, с другой – невозможности добиться значительных показателей чешского экспорта из-за ограниченности внутреннего рынка Таджикистана (максимальный показатель в 2010 г. составил 8 млн долл.) (рис. 4). Что касается структуры товарооборота, то в чешском экспорте преобладали пластмассы и изделия из них, а в импорте в Чехию — металлы, хлопок и другая сельскохозяйственная продукция.

На фоне четырех центральноазиатских государств Туркменистан находился вне зоны интереса чехов. Самым значимым событием двусторонних отношений за всё время стал визит председателя Палаты депутатов чешского парламента Я. Гамачека в марте 2016 г., который был приурочен к организованному чешско-туркменскому бизнес-форуму.

Усилия по интенсификации межгосударственного сотрудничества не принесли и добавленной стоимости, поскольку в 2017–2018 гг. наблюдался резкий спад чешского экспорта (с 25 млн до 6 млн долл.), который не смог восстановиться вплоть до 2022 г. (рис. 5) Основными статьями экспорта Чехии являлись изделия из железа и стали, а также электрические машины и оборудование. Из Туркменистана импортировались в основном одежда и аксессуары к ней.

В истории чешско-центральноазиатских отношений до начала СВО можно выделить три этапа. Первый был связан с установлением Прагой дипломатических отношений с молодыми республиками и завязыванием во второй половине 1990-х гг. первых контактов

³ Речь шла прежде всего о работавшем на территории советского Кыргызстана в 1920–1930-х гг. чехословацком кооперативе «Интергельпо».

на уровне МИД и иных министерств. Впрочем, в то время полноценное сотрудничество ограничивалось ценностным курсом президента В. Гавела, который делал акцент на установление связей со странами евро-атлантического сообщества. Второй этап приходится на правление пришедшего на смену Гавелу В. Клауса, который после вступления страны в ЕС обратил пристальное внимание на Азию, позитивно оценивая экономические перспективы региона. За время его пребывания у власти обозначился ключевой партнер в ЦА – Казахстан – благодаря его экспортным возможностям в энергетической сфере. Третий этап сотрудничества связан с президентством М. Земана, который, с одной стороны, продолжал линию предшественника, с другой – стремился преодолеть последствия экономических шоков, постигших центральноазиатские экономики, которые привели к значительному падению двустороннего товарооборота во второй половине 2010-х гг. К моменту начала коронавирусной пандемии и активизации украинского кризиса наблюдалась позитивная тенденция развития двусторонних экономических отношений.

ЧЕХИЯ И СТРАНЫ ЦА ПОСЛЕ НАЧАЛА СВО

Несмотря на удаленность стран ЦА от Восточной Европы, регион ощутил непосредственное влияние событий на Украине. Это проявилось в усилении внимания к нему со стороны не только крупных внерегиональных игроков, прежде всего США, ЕС и Китая, но и со стороны малых государств, чрезмерная активность которых на этом направлении была ранее непривычна. В этой связи Чехия, которая оказалась в лагере «заинтересовавшихся ЦА», реализовывала задачи нескольких порядков. Во-первых, заявив о себе как активном стороннике антироссийских санкций и всех действий, способствовавших поражению России, Прага стремилась максимально поддерживать действия ЕС в ЦА. Во-вторых, чешские власти намеревались усилить голос страны на международном уровне, обозначив свою особую роль в мировой политике. Высокая вероятность успеха на этом направлении исходила из способности Чехии проводить многовекторную внешнюю политику и заниматься нишевой дипломатией. В-третьих, Чехия хотела поддержать собственных промышленных производителей, которые после введения массовых ограничений на поставки продукции в Россию нуждались в новых точках сбыта. Отметим, что к концу 2023 г. чешский экспорт в Россию упал на 83% (с 4,3 млрд до 730 млн долл.) (см. рис. б), а товарооборот опустился до уровня 2004 г. В такой ситуации чешский бизнес подталкивал правительство действовавшего премьера П. Фиалы к более активной политике на центральноазиатском треке, который мог выступить «альтернативой утраченных в России позиций, рынков и торговых путей» [*Постсоветские государства*, 2024, с. 174].

Важно отметить, что кабинет П. Фиалы, который после прихода во власть в конце 2021 г., заявил о возвращении к принципам ценностной политики В. Гавела, оттягивал до начала 2023 г. с активизацией деятельности на центральноазиатском направлении ввиду наличия предубеждений относительно авторитаризма местных правительств. Примечательно, что на протяжении всего 2022 г. чешский МИД усиленно продвигал украинскую и тайваньскую повестку как подтверждение своей приверженности либеральной демократии. Однако, как отмечает чешский аналитик Л. Земанек, «правительство сумело продемонстрировать способность предпринять прагматичные и реалистичные действия» и «избавиться от догматического идеализма, который отодвигал страну на международную периферию» [Zemánek, 2023].

Свидетельством произошедших сдвигов стал визит премьера Фиалы в Казахстан и Узбекистан в апреле 2023 г. в рамках 10-дневного азиатского турне, в ходе которого он также побывал во Вьетнаме, Индонезии, Сингапуре и на Филиппинах [Zemánek, 2023].

В центре переговоров чешского премьера с казахстанским президентом К.-Ж. Токаевым находились вопросы экономического сотрудничества, прежде всего касающиеся реализации продукции чешских индустриальных гигантов – аэрокосмического холдинга Omnipol и концерна Škoda, вынужденных после 2022 г. покинуть российский рынок. Обсуждались планы по передислокации части производственных мощностей в Казахстан. Результатом договоренностей стало подписание в декабре 2023 г. соглашения между чешской Škoda Auto a.s. и казахстанской компанией Allur о выходе чешского автопроизводителя на местный рынок. В политической плоскости отношения между Казахстаном и Чехией оценивались обеими сторонами как стратегическое сотрудничество и «являлись одним из важнейших столпов отношений Европейского Союза и Центральной Азии» [*Касым-Жомарт Токаев*, 2023].

Более знаковым событием, продемонстрировавшим торжество прагматизма чешского кабинета, стал визит в Узбекистан, который на протяжении 20 лет оставался вне поля зрения чешских политиков высокого уровня из-за предубеждений относительно местного политического режима. Повестка встреч Фиалы с узбекским президентом Ш. Мирзиёевым и премьер-министром А. Ариповым была практически тождественна содержанию переговоров с казахстанскими партнерами. Прежде всего продвигались интересы чешской транспортной и авиационной промышленности. Локомотивостроительная группа Škoda Transportation претендовала на крупный контракт на поставку поездов, а компания Zetor собиралась начать производство тракторов. Официальный визит Фиалы также мог способствовать тому, чтобы Omnipol начал продажи самолетов L-410 в Узбекистан. Общим для визитов стало то, что Чехия подчеркивала значимость стран как экспортеров критически важных для чешской и европейской экономики природных ресурсов: это нефть, уран, титан, фосфор (Казахстан) и золото, уран, медь (Узбекистан).

Центральноазиатское турне дало толчок для углубления сотрудничества во многих сферах. С 19 по 25 июня 2023 г. в Казахстане находилась чешская делегация, насчитывающая 90 человек, под руководством заместителя председателя Палаты депутатов парламента Я. Бартошека, в состав которой входили представители Министерства обороны Чехии и научно-исследовательских организаций. В начале августа министр промышленности и торговли Чехии Й. Сикела принял участие в бизнес-форумах, организованных в Узбекистане и Таджикистане. По результатам переговоров было принято решение об открытии офиса чешской службы по продвижению бизнеса CzechTrade в г. Ташкент. Последняя должна была распространить свою деятельность также на Таджикистан и Туркменистан. Особое место взаимодействия между силовыми ведомствами подтвердилось в ходе недельного визита (10–19.09.2023) в Чехию казахстанской делегации Министерства обороны. Чешские дипломаты отвечали, что цель мероприятия заключалась в знакомстве друг с другом и налаживании коммерческих контактов чешских оружейных компаний с потенциальными клиентами в Казахстане [*Český*, 2023].

Также показательным событием, обозначившим новую главу в истории чешско-центральноазиатских отношений, стала поездка в Прагу 10 октября 2023 г. узбекского премьера А. Арипова. В ходе неё были подтверждены договоренности о покупке узбекской авиакомпанией Uzbekistan Airways двух самолетов L-410, также были озвучены планы о возобновлении с марта 2024 г. авиасообщения между Ташкентом и Прагой. О высокой динамике двусторонних отношений говорит тот факт, что в момент нахождения Арипова в Праге в узбекской столице находился чешский министр сельского хозяйства М. Выборный, который продвигал чешские уникальные технологии в аграрной сфере.

Показатели торгово-экономического сотрудничества между Чехией и странами ЦА в 2022–2023 гг. демонстрировали рекордный рост за счёт увеличения прежде всего чешского экспорта. Например, чешские поставки в Казахстан в 2023 г. увеличились почти на 300%

по сравнению с 2021 г. (с 229 млн до 901 млн долл.); в Узбекистан – на 170% (с 67,5 млн до 183,5 млн долл.), в Кыргызстан – на 1070% (с 8 млн до 94 млн долл.), в Таджикистан – на 64% (с 7,9 млн до 13 млн долл.). Единственным исключением стал Туркменистан, экспорт в который продемонстрировал незначительное падение на 5% (с 14,3 млн до 13,7 млн долл.). Что касается суммарного увеличения чешского экспорта в страны ЦА, то за 2022–2023 гг. он возрос на 270% (с 324 млн до 1,2 млрд долл.). В абсолютных цифрах товарооборот Чехии с ключевыми странами ЦА демонстрировал также рекордные показатели за всю историю взаимоотношений. Так, он достиг отметки в 1,5 млрд долл. с Казахстаном, 190 млн – с Узбекистаном, 96 млн – с Кыргызстаном. Чешский товарооборот с Таджикистаном и Туркменистаном за последние два года не показал пиковых значений (рис. 1–5).

Ни для кого не секрет, что подобный нетипичный рост стал возможен ввиду перенаправления товаров, ранее предназначавшихся для России, в страны ЦА. Чехия, выступавшая на международных форумах с наиболее антироссийских позиций, в вопросе поставок своих товаров в центральноазиатский регион заняла сдержанную позицию, стремясь не замечать диссонанс между публичными заявлениями и реальными действиями.

Несмотря на беспрецедентный подъем торговых отношений, чешские аналитики говорили о перспективности выстраивания долгосрочных связей только с Казахстаном и Узбекистаном. Если чешско-казахстанские отношения демонстрировали успешную историю поступательного сотрудничества, то взаимодействие с Ташкентом могло стать удачным благодаря глубоким политическим и экономическим реформам, запущенным с 2017 г. после ухода президента И. Каримова. В свою очередь, Кыргызстан, несмотря на молниеносный взлет товарооборота, являлся менее привлекательным для проникновения чешского бизнеса «из-за политической нестабильности, небольшого объема рынка и заметных позиций на нем китайских предпринимателей» [Exportní, 2023]. Примечательно, что ранее чешские политики рассматривали «политическую нестабильность» как проявление приверженности кыргызов ценностям парламентской демократии. Таджикистан не был интересен в перспективе из-за отсутствия пространства для инвестирования и доминирования китайских, турецких и российских компаний на местном рынке. Сложности Туркменистана характеризовались недостаточной прозрачностью, отсутствием преференций для иностранного бизнеса, «однобокой ориентацией экономики, а также кумовством местных элит». Препградой для ведения дел становилась необходимость принятия во внимание «неформальных правил и моделей поведения».

Примечательно, что одной из причин ослабления интереса к Кыргызстану, Таджикистану и Туркменистану была сохраняющаяся у властей этих государств приоритетная ориентация на Россию, которая оставалась «одним из важных столпов их внешней политики, безопасности и экономики». В свою очередь, привлекательность Казахстана и Узбекистана возрастала ввиду того, что их правительства усиливали, по мнению чехов, многовекторность собственной политики, отдаляясь от Москвы и её геополитических проектов. Подтверждением этому стали недвусмысленные высказывания казахстанских и узбекских политиков о поддержке территориальной целостности Украины и непризнании вхождения в состав России четырех новых субъектов [Kazakhstan, 2022]. Чешский экономист Я. Фингерланд считал, что Казахстан и Узбекистан находились в процессе формирования основ новой внешней политики, базирующейся в первую очередь на минимизации российского фактора и усилении связей между соседями и внерегиональными акторами. Таким образом, он полагал, что постсоветское пространство в Центральной Азии вступило в новую фазу распада советского наследия [Exportní, 2023].

В вопросе обхода антироссийских санкций чехи занимали двойственную позицию. С одной стороны, на официальном уровне декларировалась необходимость борьбы с резк-

портом чешских товаров, с другой – увеличение торгового оборота на центральноазиатском направлении оценивалось как инструмент поддержки чешских производителей, вынужденных прекратить отношения с российскими партнерами.

В докладе за 2022 г. Чешский национальный банк констатировал, что выпавшие из-за введения ограничений объемы чешского экспорта, ранее шедшие в Россию, были значительно замещены «на других направлениях, среди которых центральноазиатское стало одним из ключевых» [Zpráva, 2023]. Сотрудники Европейского банка реконструкции и развития сообщали, что, хотя только часть сокращенного экспорта была восстановлена на этом направлении, увеличение могло быть существенным для определенных групп товаров [Chupilkin et al., 2023]. Так, через страны ЦА в Россию поступали преимущественно чешские реакторы и котлы; аудио- и видеозаписывающие устройства; автомобили.

Примечательно, что дополнительным стимулом для чешских производителей и их контрагентов экспортировать в ЦА являлось то, что Казахстан и Кыргызстан, как и Россия, Армения и Беларусь, входили в Евразийский экономический союз, внутренний рынок которого позволял не применять для импортированных товаров таможенные пошлины [Chupilkin et al., 2023]. В свою очередь, чешские власти после попадания товара на территорию данного экономического объединения уже не могли точно отследить его перемещение. Данный фактор в совокупности с постоянным появлением новых схем поставок товаров, предназначенных для реэкспорта в Россию, приводил чешских авторов к мысли о провале политики санкций: «как только одна лазейка закрыта, предприниматели уже строят альтернативные планы, чтобы избежать санкций» [Exportní, 2023].

До начала СВО на Украине Чехия не рассматривала центральноазиатское направление в качестве отдельного вектора внешней политики. После 2022 г. Прага осознала важность усиления своего присутствия в данном регионе, обозначив ключевые приоритеты: поддержка чешских экспортеров, борьба с российским влиянием, недопущение реэкспорта чешских товаров. Впрочем, в 2022–2023 гг. официальные заявления расходились с реальными действиями. Прежде всего стало очевидно, что из-за ограниченности местных рынков продвижение чешских производителей было возможно только за счёт перенаправления их товаров в Россию. Хотя точные объемы реэкспорта в Россию не поддаются подсчёту, обозначенная тенденция однозначно свидетельствовала о попытках чешских экспортеров преодолеть последствия антироссийских санкций. Что касается противодействия России и усиления позиций самой Чехии, то только в двух из пяти стран подобная политика могла дать плоды. Однако в 2022–2023 гг. возможности всё ещё были ограничены. В этой связи чешские власти обозначили Казахстан и Узбекистан в качестве ключевых партнеров в ЦА, сотрудничество с которыми они были намерены в дальнейшем углублять. Учитывая опыт Праги в создании антироссийских нарративов через поддержку гражданского общества в Беларуси и на Украине, можно предполагать, что она сконцентрирует внимание на этой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Гавел не успел вручить премию Аскарору. *Azattyk*. 20.12.2011 [Havel did not have time to present the award to Askarov. *Azattyk*. 20.12.2011 (in Russian)] <https://clck.ru/39tG86> (accessed: 11.03.2024).
- Гегелашвили Н.А. Роль США и ЕС в Центральной Азии в новых геополитических реалиях. *Россия и новые государства Евразии*. 2023. № 2(59). С. 112–126 [Gegelashvili N. The Role of the US and the

EU in Central Asia in the New Geopolitical Realities. *Russia and New States of Eurasia*. 2023. No. 2(59). Pp. 112–126 (in Russian)].

Европа в глобальной пересборке. Под ред. А.А. Громыко. М.: ИЕ РАН, Весь Мир, 2023 [*Europe in the Global Reassembly*. A. Gromyko (ed.). Moscow: IE RAS, Ves Mir, 2023 (in Russian)].

Касым-Жомарт Токаев принял Премьер-министра Чехии Петра Фиалу. *Президент Республики Казахстан*. 24.04.2023 [Kasym-Jomart Tokayev Met the Prime Minister of the Czech Republic Petr Fiala. *President of the Republic of Kazakhstan*. 24.04.2023 (in Russian)] <https://clck.ru/39tKqU> (accessed: 11.03.2024).

Кыргызстан – Чехия. От «Интергельпо» до парламентаризма. *Azattyk*. 16.03.2016 [Kyrgyzstan – Czech Republic. From “Intergel’po” to Parliamentarism. *Azattyk*. 16.03.2016 (in Russian)] <https://clck.ru/39tK5P> (accessed: 11.03.2024).

Мелникова Л., Фингерланд Я. Казахстан и Чехия: расстояние не помеха. *Казахстан в глобальных процессах*. 2015. № 4. С. 56–64 [Melniková L., Fingerland J. Kazakhstan and the Czech Republic: Distance is not a Hindrance. *Kazakhstan in Global Processes*. 2015. No. 4. Pp. 56–64 (in Russian)].

Постсоветские государства на современном этапе: внутривнутриполитическая динамика и поиск путей развития. М.: ИМЭМО РАН, 2024 [*Post-Soviet States at the Present Stage: Domestic Political Dynamics and the Search for Development Paths*. Moscow: IMEMO RAS, 2024 (in Russian)].

Чехии и Узбекистану необходимо дальнейшее расширение двустороннего сотрудничества. *РИА Новостям*. 14.09.2004 [Czech Republic and Uzbekistan Need Further Expansion of Bilateral Co-operation. *RIA Novosti*. 14.09.2004 (in Russian)] <https://clck.ru/39tJ7c> (accessed: 11.03.2024).

Чехия и Кыргызстан определяют приоритеты сотрудничества. *Azattyk*. 10.09.2004 [Czech Republic and Kyrgyzstan Identify Priorities for Cooperation. *Azattyk*. 10.09.2004 (in Russian)] <https://clck.ru/39tJqN> (accessed: 11.03.2024).

Юн С.М. Сравнительный анализ политики Германии, Великобритании и Франции в Центральной Азии. *Сравнительная политика*. 2011. № 4(6). С. 50–64 [Yun S.M. Comparative Analysis Policy of Germany, Britain and France in Central Asia. *Comparative Politics Russia*. 2011. No. 4(6). Pp. 50–64 (in Russian)].

A Global Strategy for the European Union’s Foreign and Security Policy. *European Union*. June 2016. <https://clck.ru/39tKxj> (accessed: 11.03.2024).

České firmy láká Střední Asie: Podnikatelé budou jednat v Kazachstánu, Tádžikistánu a Uzbekistánu. *BusinessInfo*. 03.02.2017. clck.ru/39tGus (accessed: 11.03.2024).

Český obranný průmysl má v Kazachstánu dobrou pověst. *MZV ČR*. 27.09.2023. <https://clck.ru/39tSLu> (accessed: 11.03.2024).

Chupilkin M., Javorcik B., Plekhanov A. *The Eurasian Roundabout: Trade Flows into Russia through the Caucasus and Central Asia*. EBRD Working Paper. 02.2023. <https://clck.ru/39tSMo> (accessed: 11.03.2024).

Exportní a investiční příležitosti České republiky ve Střední Asii v návaznosti na měnící se tranzitní a infrastrukturní podmínky region. Prague: Metropolitní univerzita. <https://clck.ru/39tPRp> (accessed: 11.03.2024).

Fürst R., Kizeková A., Kožíšek D. The Czech Foreign Policy in the Asia Pacific Improving Balance, Mostly Unfulfilled Potential. *Czech Foreign Policy Analysis 2017*. Prague: Institute of International Relations, 2018. Pp. 221–236.

Kazakhstan Is Breaking Out of Russia’s Grip. *FP*. 16.09.2022. <https://clck.ru/39tPSs> (accessed: 11.03.2024).

Koncepce zahraniční politiky České republiky. *MZV ČR*. 13.07.2015. <https://clck.ru/39tFbT> (accessed: 11.03.2024).

Koncepce zahraniční politiky České republiky. *MZV ČR*. 20.07.2011. <https://clck.ru/39tFeS> (accessed: 11.03.2024).

Pohyb zboží přes hranice (PZpH). *Český statistický úřad*. <https://apl.czso.cz/pll/stazo/STAZO.STAZO> (accessed: 11.03.2024).

The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership. *European Commission*. 15.05.2019. <https://clck.ru/39tPZC> (accessed: 11.03.2024).

The EU and Central Asia: Strategy for a New Partnership. *European Parliament*. 2007. <https://clck.ru/39tPYK> (accessed: 11.03.2024).

Zemánek L. Czech Republic External Relations Briefing: Foreign Policy in 2023: Clashing with Reality. *China – CEE Institute Briefing*. Vol. 68. No. 4. <https://clck.ru/39tPVP> (accessed: 11.03.2024).

Zemánek L. Petr Fiala's Tour to Asia: Political and Economic Cooperation. *China – CEE Institute Briefing*. Vol. 62. No. 4. <https://clck.ru/39tPWR> (accessed: 11.03.2024).

Zpráva o vývoji platební bilance — 2022. *ČNB*. 01.07.2023. <https://clck.ru/39tPXB> (accessed: 11.03.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЕДЕРНИКОВ Михаил Владимирович –
кандидат исторических наук, ведущий
научный сотрудник Института Европы РАН,
Москва, Россия.

Mikhail V. VEDERNIKOV, PhD (History),
Leading Research Fellow, Institute of Europe,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Рис. 1. Товарооборот между Чехией и Казахстаном и его структура в 1999–2023 гг., млн долл.

Источник: [Pohyb zboží, 1999–2023].

Fig. 1. Trade turnover between Czech Republic and Kazakhstan and its structure in 1999–2023, million dollars. Source: [Pohyb zboží, 1999–2023].

Рис. 2. Товарооборот между Чехией и Узбекистаном и его структура в 1999–2023 гг., млн долл.

Источник: [Pohyb zboží, 1999–2023].

Fig. 2. Trade turnover between Czech Republic and Uzbekistan and its structure in 1999–2023, million dollars. Source: [Pohyb zboží, 1999–2023].

Рис. 3. Товарооборот между Чехией и Кыргызстаном и его структура в 1999–2023 гг., млн долл.
Источник: [Pohyb zboží, 1999–2023].

Fig. 3. Trade turnover between Czech Republic and Kyrgyzstan and its structure in 1999–2023, million dollars. Source: [Pohyb zboží, 1999–2023].

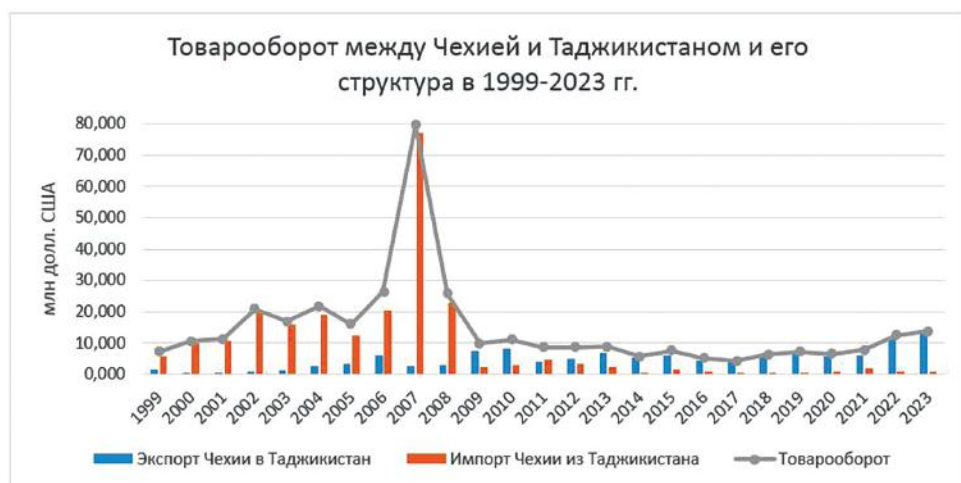

Рис. 4. Товарооборот между Чехией и Таджикистаном и его структура в 1999–2023 гг., млн долл.
Источник: [Pohyb zboží, 1999–2023].

Fig. 4. Trade turnover between Czech Republic and Tajikistan and its structure in 1999–2023, million dollars. Source: [Pohyb zboží, 1999–2023].

Рис. 5. Товарооборот между Чехией и Туркменистаном и его структура в 1999–2023 гг., млн долл. Источник: [Pohyb zboží, 1999–2023].

Fig. 5. Trade turnover between Czech Republic and Turkmenistan and its structure in 1999–2023, million dollars. Source: [Pohyb zboží, 1999–2023].

Рис. 6. Товарооборот между Чехией и Россией и его структура в 1999–2023 гг. Источник: [Pohyb zboží, 1999–2023].

Fig. 6. Trade turnover between Czech Republic and Russia and its structure in 1999–2023, million dollars. Source: [Pohyb zboží, 1999–2023].